



КОНЕЦ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО КОМИТЕТА

© 2019 г. А.В. Зайцев

Сотрудник Государственного архива Российской Федерации

E-mail: zaiczew.aleks2013@yandex

В статье рассматриваются подробности выхода Югославии из славянского движения в результате советско-югославского конфликта. После негласного бойкота со стороны неюгославских сотрудников Общеславянского комитета югославы пытались поддерживать его деятельность в одиночку. В 1949 г. в Москве решили не воссоздавать Общеславянский комитет с югославскими эмигрантами в составе, но и не объявлять о его роспуске, чтобы не навредить левым славянским организациям в США и Канаде.

The details of Yugoslavia's exit from Slavic movement following its conflict with the Soviet Union are considered. After an unannounced boycott had been imposed on Yugoslav members of All-Slavic Committee, they tried to keep the Committee working nevertheless. In 1949, Moscow decided not to reconstruct the Committee or to declare its dissolution in order not to harm Left Slavic organizations in the United States and Canada.

Ключевые слова: славянское движение, Славянские комитеты, Общеславянский комитет, А. Гундоров, Б. Масларич, С. Благодеева, резолюция Информбюро.

Keywords: Slavic movement, Slavic committees, All-Slavic Committee, Aleksandr Gundorov, Božidar Maslarić, Stela Blagoeva, resolution of Informbureau.

DOI: 10.31857/S0869544X0003676-6

В октябре 1955 г. в связи с возобновлением советско-югославского сотрудничества председатель президиума Славянского комитета СССР генерал-лейтенант инженерных войск А.С. Гундоров записал в рабочем плане: «Иметь в виду в подходящий момент поставить вопрос о возобновлении деятельности Общеславянского комитета, единственной международной организации, которая не приняла участия в конфликте 1948 г. и последующих лет» [1. Оп. 1. Д. 138. Л. 33]. Звучит интригующе. Неужели во время разрыва СССР с ФНРЮ существовала нейтральная площадка для контактов?

Общеславянский комитет (ОСК) был учрежден белградским Славянским конгрессом в декабре 1946 г. Гундоров так описал его структуру и задачи: Комитет создается «с целью осуществления связи [...], координации работы Славянских ко-

митетов в проведении общеславянских мероприятий. Достаточно пяти представителей от каждой славянской страны и 2–3 кандидата. Позволит привлечь разные слои населения, оперативно работать. Президиум будет состоять из председателя и четырех заместителей. Члены ревизионной комиссии – тоже из всех пяти стран. Представители других стран, если пожелают, тоже могут войти с правом совещательного голоса, но принять ли их – решает Комитет. Будут созданы группы информации (внутренние дела), печати (пропаганда), организационно-массовой работы. Будет издаваться “Информационный бюллетень”.

Под аплодисменты местом пребывания ОСК был назначен Белград. Председателем комитета стал югославский коммунист Божидар Масларич, во время войны возглавлявший секцию южных славян Всеславянского комитета в Москве. Его заместители – по одному от СССР, Чехословакии, Польши и Болгарии – собирались только на заседаниях президиума и на пленумах комитета, которые в 1947–1948 гг. успели пройти в столицах всех пяти славянских стран. В Белграде постоянно находился ответственный секретарь ОСК И.П. Медведев и по одному референту от каждой из стран, причем референт от СССР прибыл лишь в 1948 г. Делопроизводство комитета велось на русском языке.

Доля взносов национальных славянских комитетов в бюджете ОСК: СССР – 25%, ЧСР – 20%, Польша – 20%, Югославия – 20%, Болгария – 15%.

За полтора года, отпущенных Комитету, он сделал очень немного – меньше, чем национальные славянские комитеты. Вышли всего лишь три выпуска информационного бюллетеня. В феврале 1948 г. на последнем, как выяснилось, пленуме ОСК, Масларич подвел весьма скромные итоги его деятельности за 1947 г. С 13 сентября началось вещание через Белградскую радиостанцию еженедельно по 15 минут, а с 10 февраля – по вторникам и субботам. Темы передач – углубление дружбы славянских народов, межгосударственные договоры, роль СССР, успехи строительства социализма в странах народной демократии, разоблачение поджигателей войны, американского империализма, плана Маршалла. Языки вещания – все славянские, кроме украинского и белорусского, английский, испанский, а с декабря 1947 (в тексте опечатка «1948») г. – албанский, венгерский и румынский. Послали (очевидно, славянским организациям) 50 статей, прочитали 15 лекций о результатах Конгресса и славянской взаимности [2. Оп. 1. Д. 17. Л. 12–14].

Основным мероприятием Общеславянского комитета в 1948 г. должен был стать международный конгресс ученых-славистов в Москве. Его подготовкой занимался заместитель председателя президиумов Общеславянского комитета и Славянского комитета СССР, министр народного просвещения РСФСР в 1948–1949 гг. А.А. Вознесенский. История подготовки и срыва конгресса подробно описана М.Ю. Досталь [3. С. 184–197], поэтому я остановлюсь на завершающих событиях.

15 апреля Вознесенский и Гундоров уведомили СК Югославии об очередном переносе открытия Конгресса – на 18 июня в «связи поздним получением докладов и необходимостью лучшей подготовки», представив это своим решением, и попросили известить об этом ОСК и федеральные СК в Югославии [2. Оп. 1. Д. 204. Л. 166]. 21 мая Вознесенский еще послал в Белград телеграмму с требованием прислать тексты некоторых докладов и фамилии докладчиков [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 13]. 4 июня в ОСК (Масларичу, Медведеву) и СК Югославии (Яковлевичу, Беличу) пришли одинаковые телеграммы: «В целях обеспечения лучшей подготовки проведению конгресса ученых славистов вносим предложение перенести конгресс на осень текущего года. Вознесенский Гундоров» [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 16–18]. Конечно, югославы возмутились и недоумевали. 15

июня из Москвы получили отписку: «Масларичу Телеграмму 366 получили причины отсрочки Конгресса были ясно указаны предыдущим сообщением. Вознесенский Гундоров» [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 32]. В № 5 журнала «Славяне» за 1948 г. еще вышла статья П.Н. Третьякова «К созыву Общеславянского конгресса ученых-славяноведов», а в № 6 А.Л. Сидоров в статье «Достижения советской науки в изучении истории славянских народов» уже ничего не писал на эту тему.

Судя по пересказу Н.И. Кикешева [4], все иностранные референты ОСК были отозваны из Белграда сразу после отзыва советских специалистов из Югославии 18 марта 1948 г. Однако цитируемое им письмо Масларича СК СССР дает менее драматичную картину. Польский референт уехал 12 мая. СК Чехословакии отозвал П. Илемницкого 5 июня, назначив его атташе по культуре в Москве, и не прислал замены. Я. Шерстнев уехал 7 июня, «чтобы урегулировать вопрос о браке», и не вернулся после окончания отпуска 20 июня. Примерно тогда же Т. Ненова уехала в отпуск в Софию якобы до 1 октября. И.П. Медведев уехал в Москву 17 июня [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 50], захватив с собой ключ от сейфа с документами ОСК [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 53]. 28 июня Информбюро компартий приняло антиюгославскую резолюцию.

В фонде Гундорова хранится его заметка о будущем ОСК. «Общеславянский комитет — общественная, но не аполитичная организация [...]. Попытки сделать невозможным пребывание в Югославии советских людей [...]. Мне кажется, нельзя обеспечить нормальную работу Общеславянского комитета в Белграде. Следует перенести наше местопребывание в другую из славянских стран. С этим предложением и выступает советская делегация» [2. Оп. 1. Д. 40. Л. 39—39об.]. Текст не датирован, но в нем сказано: «Всем известен ответ руководителей Югославии на резолюцию Информбюро», который был опубликован в Югославии 30 июня 1948 г. [4. С. 447], и следовательно, стал известен «всем» в июле. В начале июля в Словакии проходили традиционные Девинские торжества¹. В августовском номере «Славян» помещена статья Гундорова о них, где упоминаются выступления К. Готвальда, З. Нееды 11 июля, но ни слова о Югославии. А там произошли драматичные события. 1 июля руководство СК Болгарии (Козовский, Благоева, Михайлов) послало в СК Чехословакии телеграмму: «В связи с положением славянского движения в Югославии просим телеграфом Чехословакии пригласить на XI Сокольский слет и на Девинские торжества председателей, секретарей всех национальных славянских комитетов и членов Общеславянского комитета, также председателей, секретарей федеральных славянских комитетов в Югославии. Для осторожности югославских товарищей приглашайте в гости на слет и Девинские торжества без ссылки на положение славянского движения в Югославии» [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 43]. На следующий день Нееды и Грбек в телеграмме СКЮ пригласили всех упомянутых с мотивировкой: «Участие необходимо. Приезжайте немедленно. Телеграфируйте дату прибытия и фамилии делегатов» [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 44]. Переписка, очевидно, стала известна Масларичу, так как 17 августа он телеграфировал СК СССР: «Славянский комитет в Праге тоже скомпрометировал себя в этом деле тем, что действовал точно по директивам, которые посылал Георгий Михайлов из Софии» [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 42, 46]. Югославы прислали очень представительную делегацию: председатели ОСК и СК Югославии, представители СК Хорватии, Боснии и Герцеговины, Словении, Македонии [4. Л. 32].

О произошедшем при встрече делегаций Гундоров в проекте доклада о деятельности СК СССР за 1948 г. написал кратко: «Правда, вскоре после резолюции Ин-

¹ Названы в честь Девинского замка в Братиславе — национального символа Словакии.

формбюро мы встретились с Масларичем и другими представителями Югославии в Праге, разоблачили их антисоветские выступления, но после этого только в февральском номере нашего журнала мы [зачеркнуто «открыто»] выступили с определением наших позиций в этом вопросе» [1. Оп. 1. Д. 82. Л. 104]. Переубедить никого не удалось: «К троцкистско-националистическому лагерю Тито примкнул председатель Общеславянского комитета Масларич, который сейчас получил там пост министра путей сообщения. В этом же лагере оказались терроризированные общей обстановкой в стране другие члены Общеславянского комитета от Югославии» [1. Оп. 1. Д. 82. Л. 98]. В «Проекте выступления по вопросу о Маслариче», судя по тексту, относящемуся к концу 1948 г., генерал говорил о своем противнике чуть конкретнее: «Приехав в июле месяце в Прагу на очередное общеславянское мероприятие — славянский день на Девине, он, позабыв о своих обязанностях председателя комитета, занялся пропагандой линии Тито, распространением материалов этой группы, антисоветской агитацией. Вероятно, имея в виду использовать момент для [вставка: «корыстных целей и для»] доказательства своей особой приверженности титизму (так! — А.З.) применил метод [вставка: «публичных»] личных оскорблений прибывших в Прагу советских представителей и, в частности, ответственного секретаря Комитета т. Медведева. Советская делегация на эти терроризирующие нашу организацию методы [вставка: «Масларича»] ответила официальным протестом, а Славянский комитет Чехословакии вынужден был обратиться со специальным письмом ко всем комитетам. Конечно, о возвращении т. Медведева в Югославию при старой линии председателя нечего было и думать» [1. Оп. 1. Д. 82. Л. 217].

Упомянутое письмо Неедлы и Грбека, датированное 16 июля, было переслано Гундоровым и Мочаловым² 28 июля в ЦК ВКП(б) Б.Н. Пономареву [6. Л. 31]. Хозяева торжеств обвинили Масларича в распространении изданной ЦК КПЮ брошюры, в «настойчивом и неоднократном» участии в официальных демаршах перед официальными же лицами ЧСР, особенно перед премьер-министром А. Запотоцким. По словам чехов, Масларич критиковал перед членами ОСК не только Медведева, но и Вознесенского (надо полагать, за срыв конгресса славистов). С Гундоровым у него произошла словесная перепалка [6. Л. 33]. 6 или 8 июля (скорее 8-го) на приеме у министра информации и культуры Чехословакии В. Копецкого он «выступил с речью, в которой упор сделал на политику царской России во время захвата Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. После этого коротко и невнятно сказал, что СССР уже не та царская Россия, но все таки (так! — А.З.) предупредил, что «Если она попробует сейчас проводить такую политику, то славянские и другие страны этого не позволят». Я не слышал этой речи, но [зачеркнуто: «к сожалению»] некоторыми возмущенными присутствующими тут же была записана и передана нам. Но ряд товарищей (Медведев, вероятно, Неедлы) ее сами слышали» [6. Л. 154]. Вопреки надеждам Масларича, компартии и рабочие партии славянских стран поддержали ВКП(б), так что ФНРЮ пришлось искать поддержки у «других стран».

В таких условиях председатель президиума СК СССР, вероятно, считал недостаточным планируемое предложение о переносе ОСК из Югославии. По чьей-то воле публичного скандала тогда избежали. Как вспоминал Масларич, «согласно устной договоренности, достигнутой в Братиславе, от 11 июля этого года (т.е. в последний день торжеств. — А.З.), в первой половине августа должно было состояться совещание Общеславянского комитета» [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 50].

² В.В. Мочалов — ответственный секретарь Всеславянского комитета (1944–1947), Славянского комитета СССР (1947–1950). Переписка славянских комитетов велась, как правило, от имени председателя президиума и ответственного секретаря.

Письмо СК Чехословакии, разосланное во все четыре национальных СК, — следовательно и в СК Югославии, — подчеркивало координирующую роль ОСК в славянском движении. В нем члены ОСК призывались «воспрепятствовать в дальнейшем повторению подобных явлений» [6. Л. 53]. Однако обращение было лицемерным, так как всех неюгославских членов ОСК к тому моменту уже отозвали из ФНРЮ.

В № 7 «Славян» за 1948 г. еще сообщалось о выходе № 3 Бюллетеня ОСК [7], и больше в СССР о Комитете ничего открыто не сообщалось. Обещанное совещание ОСК, разумеется, не состоялось. Все дальнейшие телеграммы, посылаемые Масларичем от имени ОСК в национальные СК, оставались без ответа. Масларич до ноября делал вид, что не понимает происходящего, обращался к национальным СК за объяснениями, требовал прислать планы дальнейших мероприятий и ключи от сейфа. Референт от Югославии Стоилкович еще делал радиопередачи ОСК [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 49–53]. Все это удостоилось лишь оценки Гундорова: «Шпион Масларич первое время продолжал использовать Комитет для своей гнусной пропаганды» [1. Оп. 1. Д. 82. Л. 78]; «После этого рассылает [вставка: «лицемерные»] письма в Славянские комитеты [вставка: «ставя»] вопрос о конгрессе ученых, о втором славянском съезде, о том, что представители [вставка: «всех»] других стран [зачеркнуто: «оставили» «разъехались»] покинули Общеславянский комитет, писал про Шереметьева (наверное, Медведева — А.З.), прикидываясь наивным простачком [...]. Советские члены Общеславянского комитета предлагают исключить Масларича из [зачеркнуто: «членов его»] состава членов комитета» [1. Оп. 1. Д. 138. Л. 218]. Текст написан не ранее ноября 1948 г., следовательно, судьба ОСК еще не решилась.

Гундоров писал, что комитет прекратил свою деятельность с отзывом референтов [1. Оп. 1. Д. 140. Л. 99]. 10 марта 1949 г. он заявил, что ОСК «сейчас находится в полном бездействии» [3. Оп. 1. Д. 206. Л. 4]. 15 марта он прояснил ситуацию: «Воздержаться от возобновления деятельности Общеславянского комитета [...]. Среди польских товарищей имеется настроение если не ликвидировать славянское движение, то заморозить. Противоположные мнения идут из Чехословакии, здесь считают необходимым [...] быстро восстановить деятельность Общеславянского комитета, конечно, без югославских националистов и в Москве. Само собой разумеется, что они за [зачеркнуто: «проведение»] разработку широкого плана общеславянских мероприятий. Оба взгляда, конечно, неправильны» [1. Оп. 1. Д. 138. Л. 82].

10 апреля 1949 г. С. Благоева в Софии довела до президиума СК Болгарии точку зрения Москвы. Она сообщила, что в СК СССР с вопросами о дальнейшей судьбе ОСК обращались и председатель президиума СК Чехословакии З. Неедлы, и сотрудники СК Польши. Ответ звучал напыщенно: «Номинально еще существующий Общеславянский комитет в Белграде изолирован от славянских комитетов, вместе с разоблаченными титовцами. Это представляет собой этап борьбы за мир против англо-американской агрессии [...]. До настоящего времени народные демократии славянских стран, оставшиеся верными своим братским демократическим славянам (за исключением Югославии), укрепились внешне и внутренне [...]. Наряду с ними такой же путь уже прошли и неславянские страны народной демократии — Румыния и Венгрия [...]. Для борьбы против агрессии, борьбы за мир и народную демократию созданы более широкие формы, чем Общеславянский комитет. Это — Информбюро девяти компартий, Бюро Экономического совета народно-демократических стран; создана и более высокая форма — двусторонние договоры о дружбе и сотрудничестве.

И в этом свете формы Общеславянского комитета становятся излишними и даже вредными. В положении изоляции номинально существующий Общеславянский комитет не заслуживает того, чтобы о нем поднимали вопрос» [2. Оп. 1. Д. 225. Л. 41–44].

Последний эпизод в деятельности Комитета состоялся, вероятно, 12 апреля 1949 г., когда Б. Масларич от имени ОСК по радио призвал югославов участвовать в движении борцов за мир. В Москве вновь напомнили, что Общеславянский комитет бездействует [2. Оп. 4. Д. 94. Л. 93]. В конце 1949 г. Гундоров дал понять, что ОСК не возродится, «чтобы избежать намеков на отдельную организацию славян, обособленную от других народных демократий. Поэтому мы отказались от возобновления деятельности Общеславянского комитета, [зачеркнуто: «Конечно, предварительно вышвырнув оттуда»] даже при изгнании из него югославских агентов англо-американского империализма и заменой их революционной югославской эмиграцией» [1. Оп. 1. Д. 138. Л. 77–78]. Биограф митрополита Николая (Ярушевича) считает, что в Москве боялись проникновения в воссозданный Всеславянский (Общеславянский? – А.З.) комитет агентуры Тито [8. С. 294]. Действительно, как сообщил советскому посольству в 1949 г. начальник международного отдела ЦК КПЧ Б. Геминдер, «сделавшие недавно в Швеции заявление о лояльности Советскому Союзу два югославских военных [...] являются преданными титовцами» [9. С. 223]. В атмосфере шпиономании проще было перестраховаться. С югославской делегацией во Всемирном совете мира (ВСМ) поступили иначе, заменив на эмигрантов во главе с П. Попиводой, но его деятельность, в отличие от ОСК, была приоритетным направлением внешней политики СССР.

Итак, Общеславянский комитет не участвовал в советско-югославском конфликте, поскольку стал его жертвой. По сути, комитет прекратил существование в июне 1948 г. с отзывом иностранных референтов из Белграда. Вероятно, перед июльской встречей деятелей славянского движения советские (и не только) делегаты рассчитывали распропагандировать югославских коллег в пользу резолюции Информбюро, в результате чего Б. Масларич выступил бы на стороне «здоровых сил в КПЮ» на V съезде партии, намеченном на 20-е числа июля, а ОСК вместе с югославскими сотрудниками переместился бы, скажем, в Прагу в ожидании победы «здоровых сил» над «фракцией Тито». Но югославы отказались подчиниться Коминформу, а Масларич на V съезде решительно поддержал Тито. В последующие месяцы югославские сотрудники Комитета продолжали работать в одиночку, поддерживая фикцию общеславянской организации, по крайней мере, до апреля 1949 г. Тем временем деятели нового славянского движения в СССР, ЧСР, Болгарии, Польше вели себя некорректно – не отвечали югославам и ждали указаний из Москвы. Примерно в начале 1949 г. ЦК ВКП (б) решил не заменять югославских представителей в ОСК антититовскими эмигрантами, как потом сделали во Всемирном совете мира, а упразднить ОСК.

При этом Москва намеренно отказывалась заявить о ликвидации комитета, говоря лишь об изоляции Масларича и его подчиненных в ФНРЮ. Такое поведение выглядело непонятной трусостью. Видимо, причину нежелания признать очевидное объяснила на совещании 10 апреля 1949 г. бывший вице-председатель ОСК от Болгарии С. Благоева: «Если здесь будет посягательство на славянские комитеты, это даст повод американским властям приступить к уничтожению славянских организаций там [...]. С ними нужно поддерживать тесные дружеские связи, чтобы укреплять их борьбу в защиту мира, борьбу за разоблачение американских агрессоров» [2. Оп. 1. Д. 225. Л. 44]. Можно с уверенностью приписать левой славянской эмиграции заслугу как спасения сла-

вянских комитетов, так и «жизни после жизни» ОСК. Решение о его формальном упразднении пришлось принимать не Москве, а Белграду. Вероятно, оно последовало в 1949 г. В октябре 1955 г. Гундоров констатировал: «Славянских организаций уже в стране (Югославии. — А.З.) нет» [1. Л. 32–33].

Пожелания генерала остались бесплодными. Осенью 1957 г. югославские дипломаты ответили деятелям обществ дружбы из ЧСР, что «славянское движение — это была сталинская хитрость», и ни о каком возрождении славянских организаций в ФНРЮ не может быть и речи [2. Оп. 1. Д. 417. Л. 24]. Рассматривалась ли в Югославии возможность возвращения в новое славянское движение до венгерских событий 1956 г., когда отношения с СССР были наилучшими? На мой взгляд, нет. В 1950-е годы славянские комитеты СССР, Чехословакии, Болгарии занимались по преимуществу национальными диаспорами, а в Югославии из-за политической специфики это уже была компетенция госбезопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9564 (А.С. Гундоров).
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6646 (Славянский комитет СССР).
3. *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы) М., 2009.
4. *Кикешев Н.И.* Славянское движение в СССР: 1941–1948 годы. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2008 [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://sklaviny.ru/libris/lib_k/kik00.php
5. *Романенко С.А.* Между «пролетарским единством» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. М., 2011.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128 (ЦК ВКП(б). Отдел международной информации). Д. 489.
7. Союз болгаро-советских обществ // Славяне. 1948. № 7. С. 62.
8. *Сурков С.А.* Митрополит Николай (Ярушевич). М., 2012.
9. Из дневника Л.Ф. Теплова. Запись беседы с Б. Геминдером о политических настроениях работников дипломатического корпуса в Чехословакии (8 декабря 1949 г.) // Советский фактор в Восточной Европе (сб.). М., 2002. Т. 2. 1949–1953. С. 222–223.